

ГЕНДЕР В СЕТИ: СТАНОВЛЕНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Горошко Е.И., докт. филол. наук, проф. (Харьков)

Сегодня появляется всё больше и больше публикаций, посвященных гендерным аспектам виртуального общения или же *коммуникации, опосредованной компьютером* (сокращенно: КОК). Иногда КОК называют *электронной, виртуальной* или же *Интернет-коммуникацией* [6, 2, 3]. Существуют также термины *компьютерный* или *электронный дискурс* [1, 21]. Их употребление в основном определяется или дисциплинарными рамками (например, в социологии больше говорят об Интернет-коммуникациях, а в теории коммуникации и лингвистике – о КОК), или контекстуально, (например, электронная коммуникация, помимо общения посредством Интернета, охватывает общение, осуществляемое с помощью других коммуникационных платформ, например средствами мобильной телефонии) [4]. Некоторые исследователи КОК “разводят” понятия *электронное общение* и *электронный дискурс*, считая второе более узким понятием, описывающим языковые и речевые особенности компьютерного “текстового” общения, изучаемые методами дискурсивного анализа. Таким образом, *электронный дискурс* является составной частью более широкого понятия *электронная коммуникация* [21: 67].

Объектом исследования данной работы стал теоретический анализ электронной коммуникации, а в качестве её предмета была выбрана гендерная составляющая электронного общения.

Материалом для исследования послужили эмпирические данные, полученные в работах в области англоязычной и немецкоязычной электронной коммуникации.

Основная цель работы – сформулировать и описать новые теоретические подходы в лингвистической гендерологии, возникающие при изучении электронной коммуникации.

Проявление гендерного параметра в Интернете исследуется с различных дисциплинарных позиций и теоретических парадигм. Достаточно много работ выполнено в области гендерного анализа электронной коммуникации в различных ситуациях использования Интернета (синхронных форматах: *чатах, ICQ, виртуальных играх и мирах*, и асинхронных: *электронной почты, веб-страниц, живых дневников*) [7-10; 22; 26]. Наиболее изученной в этом плане стала англоязычная и немецкоязычная электронная коммуникация. Работ по материа-

лам “славяноговорящего” сегмента сети гораздо меньше [1-3; 6, 18], и совсем малоизученным исследовательским объектом является синхронный формат этой коммуникации: существует очень большой разрыв между количеством западных изданий, где гендерному компоненту, например в чатах, посвящен основной поток работ по рассматриваемой теме [19; 28; 25-28; 30 33; 35], и количеством публикаций на постсоветском пространстве, где по языку чата проведены лишь единичные исследования [18].

Если проследить изучение гендера в электронной коммуникации в хронологическом порядке, то в этой области развитие теоретической парадигмы копирует (с некоторыми незначительными нюансами) становление гендерных исследований при изучении обычного общения. Здесь также можно говорить о трех концептуальных теоретических подходах или моделях в формулировке некоторых ученых [12]: *дефицитной, дифференциальной* и *доминантной*. Так, в рамках дифференциальной модели или теории *гендерных субкультур*, развивается *гипотеза о стиле коммуникативного соперничества*, свойственного мужской электронной коммуникации и *коммуникативного сотрудничества*, которое характерно женскому коммуникативному поведению [5]. В области изучения дискурсивных особенностей англоязычной коммуникации по материалам научных Интернет – конференций С. Херринг указывает, что мужские реплики в целом длиннее и их количество также больше. Мужчины чаще в электронных сообщениях используют оскорбления, сленг, утвердительные “безапелляционные” заявления, средства саморекламы, иронии и сарказма. Они задают меньше вопросов, и “высказывают меньше “электронных” извинений”. Для мужской электронной коммуникации более характерна и ситуация “флейма”, т. е. почтовой рассылки грубых и оскорбительных сообщений. Женскому электронному поведению свойственен же так называемый модус вежливости. Женщины произносят больше извинений, благодарностей, реже перебивают друг друга и пр. С. Херринг также установила, что гендерные различия в электронной коммуникации напрямую связаны с временным фактором, а именно с синхронностью/асинхронностью передачи информации [20, с.5]. Проведенное ею исследование ленты чатов показало, что синхронность сообщения нивелирует гендерные

различия: не было установлено расхождений в длине мужских и женских электронных сообщений и их количестве. Не подтвердились и полученные ранее данные на материале англоязычных чатов о более частом использовании женщинами аффективной лексики (*hugs, whuggles*), а мужчинами – лексики с “агрессивной” семантикой (*to kill; to slay*) [Там же]. Очевидно, момент спонтанности в электронной коммуникации приводит к обратному эффекту: известно, что в спонтанной устной речи в обычном дискурсе гендерные различия проявляются контрастнее [3]. В электронной коммуникации наблюдается противоположная картина. Заметим также, что другие работы, например исследование Виктора Савики и соавторов, построенное в методологическом плане идентично экспериментам С. Херринг, не подтвердило тот факт, что мужчины чаще посылают флеймы или употребляют оскорбительные (нестандартные) выражения [31; 32]. Однако его эксперименты подтвердили гипотезу о том, что для мужского электронного дискурса более свойственно использование фактической информации логического характера, основанной на четких сведениях, цифрах. Там можно встретить чаще также утвердительные и повелительные конструкции, что совпадает с результатами С. Херринг и других исследователей [см. 2].

Изучалось и использование графических средств (в англоязычной терминологии *смайликов*) в передаче чувств и эмоций в электронной коммуникации. Дженнифер Квадро установила, что элементы эмотикона женщины в чатах используют чаще и более избирательно [30: 18]. Данное наблюдение касается и использования эмоциональных средств языка (“эмотекстов” в формулировке Квадро): его в женской коммуникации также больше [Там же: 24]. По этой теме, но несколько в ином ключе выполнено и диссертационное исследование Дженнет Бейкер [8]. В этой работе исследовалась уже другая разновидность КОК – *форум*. Автор исследования исходила из предположения, что та среда, где функционируют сообщения, и порождает определенные особенности в коммуникации. Изучалось использование эмотикона и других эмотивных средств, которые служат для передачи как положительных, так и отрицательных эмоций в электронном общении. В этой работе в качестве предмета для изучения был выбран *гендерный фактор* в групповом общении, а объектами исследования стали форумы, где доминировали мужчины, где доминировали женщины, и форумы со смешанным по половому признаку составом участников. В работе было установлено, что тематика форума влияет гораздо больше на использование эмоциональных средств речи и эмотикона, нежели гендер самих коммуникантов. В этой группе исследований также проводится четкая разграничительная черта между дискурсом и средой. Считается, что, несмотря на демократичность и определенную анонимность среды, электрон-

ный дискурс достаточно “жестко” тиражирует патриархатные установки и ценности. А многие исследователи, которые полагают, что электронная среда позволит убрать коммуникативное неравенство, не приняли и не принимают во внимание до сих пор тот факт, что социальные структуры и социальные практики не просто зависят от визуальных контактных знаков, но в большинстве случаев конструируются и разыгрываются посредством коммуникации. Природа этой среды с её индивидуалистским и отчасти анонимным набором социальных и коммуникативных связей в действительности благоволит именно развитию мужских (более агрессивных) коммуникативных тактик. В ситуации, когда практически любой человек в любое время может выйти на связь, большим преимуществом естественно будут пользоваться самые убедительные и настойчивые дискурсивные тактики речевого поведения [21: 67].

Однако при изучении речевого и коммуникативного поведения на постсоветском пространстве гендер скорее рассматривается как один из параметров, при помощи которого в общении конструируется социальная идентичность коммуниканта [6]. Считается, что гендер может взаимодействовать с другими социально-биологическими параметрами – возрастом, статусом, социальной группой и прочее. На материале электронной коммуникации была установлена связь гендерного параметра с возрастом и профессиональной деятельностью её участников [2; 3]. Менее значимыми стали социальный статус и этническая принадлежность, что косвенно может свидетельствовать о большей демократичности в целом всей виртуальной реальности, хотя, как это приведено выше, существуют и иные точки зрения на её природу, а также само понятие “демократичность” в Интернет-пространстве ещё далеко до своего однозначного определения [21; 22].

Многие исследователи признают, что *гендер* можно считать *плавающим параметром* (в другой формулировке “параметром переменной интенсивности”), который актуализируется или же полностью нейтрализуется в зависимости от характера общения и особенностей коммуникативной обстановки в целом [5].

На примере дискуссионных англоязычных групп в сети В. Савики, Д. Лингенфелтер и М. Келли установили, что половой состав коммуникативной группы сильно влияет на проявление различий в электронной коммуникации [31-32]. Если в группе больше мужчин, то в языке её участников появляется больше грубых и оскорбительных выражений, факты излагаются обезличенно, без эмоциональной личностной окраски, чаще звучат призывы к более четким и точным аргументированным формулировкам. Использование речевых средств тут также направлено больше на поддержку своего социального статуса. Если в группе преобладают женщины, то в речи появляется больше информации личного плана, извинений, вопросов, употребляет

ся чаще местоимение “мы”, в основном высказываются личные мнения, и ответы направляются непосредственно человеку, который спрашивает. Также в женской группе принимаются все усилия, чтобы смягчить или предотвратить любое “конфликтное общение”. Данные выводы были сделаны на основе контент-анализа более чем 3000 сообщений из 30 дискуссионных групп в Интернете [31].

В этой же исследовательской парадигме выполнена и работа Сабины Кох с соавторами [26]. Ученые изучали конструирование гендера в немецкоязычных ICQ. Основными исследовательскими вопросами здесь стали следующие: насколько отсутствие информации о гендерной принадлежности коммуникантов влияет на общение; насколько постулируемый тезис Гарольда Гарфинкеля о “вездесущности” гендера может проявляться при любых условиях; формируют ли участники при анонимном компьютерном общении какие-либо предположения о гендере других участников, и если “да”, то на основании каких особенностей в их коммуникативном поведении, оправдываются ли такие предположения и с какой точностью; каким образом коммуниканты воспринимают друг друга на основании гендерных стереотипов и представлений о мужском и женском в анализируемой виртуальной культуре? [Там же: 31]. Основные результаты этого исследования: 2/3 участников эксперимента (участвовало около 60 человек) догадывалось о гендере своих электронных собеседников. Скрытие информации о гендере женщинами воспринималось более безболезненно. Предположения о гендере электронных собеседников основывалось на стереотипных представлениях о мужском и женском в речевом поведении (например, на предположении о том, что речь женщин более вежлива, а мужчин – более агрессивна). Речевое поведение сильно зависело от степени сокрытия информации о реальном поле участников. Гендер как таковой не влиял на речевое поведение коммуникантов.

В середине 90-х годов многие ученые приходят к выводу, что электронная коммуникация создает такую среду, где гендер полностью зависит от личности коммуниканта [7; 10; 35]. “Гендерные рокировки (перемена пола (англ. терм.: *switching*)) – это один из примеров того, как Интернет (его технологические возможности) могут менять не только наши повседневные практики, но также ценностные и культурные представления, утвердившиеся в обществе” [35: 173].

Для изучения гендерного компонента в коммуникации в конце 80-х – начале 90-х годов вводится также понятие *гендерной идентичности*, которое описывает процесс, когда его участники вербальными и невербальными средствами конструируют свой образ, в т. ч. и его гендерную составляющую. Достаточно успешно этот термин “переходит” и в теории электронной коммуникации, используя для описания и уточнения вирту-

альной идентичности в чатах и других форматах электронного общения. Возникают даже специальные аббревиатуры “a/s/l”, а также “morf” или “sorg” (A/s/l (=age, sex, location) в переводе с англ.: “возраст, пол, местонахождение”, *morf* (=Male or Female) в переводе с англ.: “мужчина или женщина”, *sorg* (=straight or gay) в переводе с англ.: “натурал или гомик” (слэнг.)), призванные “прояснить” идентичность личности в электронном пространстве. Так, в ряде работ было установлено, что “неопределенная” идентичность часто является достаточно сильным коммуникативным барьером в электронной коммуникации и приводит к её сбоям: было четко показано по количественному исследованию КОК, что первым делом при общении уточняется половая принадлежность коммуникантов [7: 213-215]. Было также замечено, что при синхронной коммуникации в чатах и онлайн-играх женщины чаще прибегают к тактике сокрытия своего пола, а мужчинам к смене пола на противоположный, мотивируя это тем, что женские игровые персонажи, например, имеют позиционные преимущества в игре, к ним относятся вежливее и лучше, а также женский персонаж является более привлекательным эстетическим символом. При этом как мужчины, так и женщины подчеркивают, что смена пола – это расширение гендерного опыта, возможность приблизиться к пониманию противоположного пола и, в конечном счете, расширить свои знания и представления об окружающем мире [Там же].

Существует и мнение, что в виртуальной коммуникации вообще уравнивание пола с гендером становится достаточно проблематичным, т. к. виртуальный гендер может быть в любое время переименован с помощью ударов пальцами по нескольким клавишам на клавиатуре [16, с.8]. И наибольшее количество работ, на мой взгляд, сосредоточено на описании построения гендерной идентичности именно в формате синхронных чатов и асинхронных новостных групп и конференций. И в этой связи всё больший и больший интерес вызывает изучение нетрадиционных гендерных ролей, которые выбирают себе участники электронной коммуникации. Некоторые авторы считают, что в Интернете, как в новом социальном конструкте, понятие *гендерной роли* вообще должно быть пересмотрено [30]. Анонимность среды также сильно влияет на выбор роли в синхронной коммуникации и способствует усилению “гендерного разнообразия” этого общения. В докторской диссертации Нэнси Браун “Виртуальная перемена гендера женщинами в Интернете: сравнение гендерных коммуникативных стилей” [9] утверждается, например, что перемена пола в электронной среде способствует стиранию границ между гендерными стилями, которые существуют в Интернет-коммуникации. По мнению исследовательницы, понятие *гендер* не может быть стабильным по своей сути, так как “...то, что считается маскулинным или фемининным в одной культуре, мо

жет совсем не считаться таковым в другой, и сильно видоизменяться с течением времени” [Там же: 10]. Перемена гендера (или точнее его смена или сокрытие) дает возможность попробовать построить абсолютно другую идентичность. И эту возможность предоставляет только Интернет-среда – ибо только в ней можно “сконструировать” себя по-другому исключительно с помощью вербальных средств (текстов) [16]. В киберпространстве людей нельзя судить только по их внешности (или иным компонентам невербальных представлений). Их судят и, соответственно, воспринимают только по их вербальным описаниям и порождаемым ими текстам в офф- или он-лайне.

И постепенно от дифференциальной модели гендерных отношений в сети исследователи приходят к *теории сглаживания гендерных различий* (blurring gender) и рассмотрению гендера как *перформативной*, а не бинарной категории [28; 29; 35]. Так, Мишель Родио на выборке 414 строкового текстового массива 40 минутного потока ленты чата, пришла к выводу, что подход к гендеру как к некоторому стабильному, устойчивому конструкту явно упрощает модель гендерных отношений в сети. Скорее гендер следует рассматривать как серию перформативов, которые нельзя “свести” только к какому-либо одному гендеру. М. Родио указывает, что традиционные гендерные роли в сети вообще не существуют, а участники чата могут выбирать определенные части (составляющие) ролевых представлений, которые наиболее эффективно позволяют, по их мнению, общаться в Интернете [29]. Установлено также, что использование гендерно-нейтральных ников и псевдонимов “смягчает” гендерные различия в коммуникативных стилях [23].

С конца 90-х годов при изучении КОК всё чаще и чаще используется подход в рамках *перформативной теории гендера* Джудит Батлер [11]. Этот подход, с точки зрения Дж. Батлер, может быть “выстроен” на основе семи допущений: женщины не являются однородной группой; гендер является динамичным параметром; культурная идентичность является достижимой; предположение, что пол, гендер и желание – одно и то же является ошибочным; гендер можно “исполнить” и без опоры на гендерную идентичность человека; исполнение гендера является обязательным, однако форма этого исполнения может видоизменяться; выбор различных способов выражения гендера приводит к гендерному беспокойству (gender trouble), и оно, по Дж. Батлер, преследует политическую цель, при которой радикальное распространение гендерных идентичностей вытесняет и подрывает существующие гендерные нормы [Там же].

В рамках перформативного подхода гендер определяется как разыгрываемый конструкт. Ученые, разделяющие перформативные взгляды на гендер, “отводят” это понятие из проблемного поля “мужской/женской

идентичности”. В перформативных теориях фокус изучения перемещается от того *как быть мужчиной или женщиной* к тому, как выразить, разыграть гендер: происходит постепенный переход от понимания категории *идентичности* как некой стабильной данности к её описанию через *практики означивания*, когда *гендер* рассматривается как дискурсивный конструкт. “Гендерные” речевые акты показывают как языковые ресурсы (доступные большему количеству “пользователей”) присваиваются и структурируются в речи. В киберпространстве виртуальный гендер рассматривается только как текстовой перформатив. Никто может и не догадываться о реальной половой принадлежности общающихся. Разнообразные текстовые маркеры, особенности коммуникативных стилей и выбор в использовании языковых средств отражают культурные представления и стереотипы мужественности или женственности. На мой взгляд, наверное, корректнее говорить о том, что мы “считываем” информацию о гендере с речи и вербального поведения участников виртуального общения и в последствии её интерпретируем. Однако стилизация гендера отнюдь не происходит сама собой (автоматически), здесь требуется определенная повторяемость и узнаваемость данной категории. Если стратегическая цель заключается в том, чтобы поддерживать гендер в рамках бинарной оппозиции, то тогда гендерные перформансы должны быть легко распознаваемы и воспроизводимы. Цель перформанса – эффективно выразить идентичности, о которых они говорят. Таким образом, самый успешный виртуальный гендерный перформанс мысленно уводит участников виртуального пространства из виртуального мира (он-лайна), приводя к догадкам о гендерной идентичности уже в офф-лайне [30: 19].

Заметим также, что при исследовании электронной коммуникации всё большее внимание уделяется уже и совсем иному (возникшему в социолингвистике) подходу: *теории речевого сообщества* (TrC) [17]. В рамках этой концепции исследователи исходят из того, что сообщества, занимающиеся одинаковой практикой (в т. ч. и речевой), как бы опосредуют отношения между социальной идентичностью и особенностями речи его представителей. При таком подходе происходит смещение исследовательского акцента с вопроса “Как говорят женщины?” или “Как говорят мужчины?” на вопросы: “Какими лингвистическими средствами могут и пользуются люди для своего представления как мужчины или как женщины?”, “Какие лингвистические практики поддерживают определенные гендерные идеологии и нормы?”, “Как новые идеи о гендере входят в наше повседневное мышление и жизнь?”, “Каким образом и почему люди меняют лингвистические и гендерные практики?” Совместная деятельность и устойчивое речевое сообщество влияют больше, нежели гендер или любой другой ситуативный или биосоциаль

ный параметр на речь коммуникантов.

В этой связи интересно докторское исследование Джессики Педл ленты синхронных англоязычных чатов [28], выполненное в объединительной парадигме перформативного подхода с теорией речевого сообщества. В этой работе в качестве контрольных параметров были выбраны частота участия мужчин и женщин в КОК, количество текстовых сообщений, их длина, общее время, проведенное каждым участником в чате, уровень эмоциональности речи и выражения в вербальном поведении действий (т.е. частота использования сказуемых в форме глаголов в прошедшем времени по типу “пришел”, “увидел”, “победил”). По данным Дж. Педл, соотношение числа женщин к мужчинам в различных чатах примерно было 1 к 3. Однако в среднем мужские и женские сообщения по количеству слов были одинаковыми. По использованию смайликов мужчины значительно опередили женщин, что противоречит данным других исследований [28; 8]. По остальным параметрам не было получено статистически значимых результатов, что, по мнению автора исследования, свидетельствует о стирании границ между гендерными стилями в КОК, а также о сильном влиянии собственно коммуникативной ситуации (чата) на гендерные особенности коммуникации.

В последнее время (уже в XXI веке) получает стремительное развитие и *теория Киберспик*, которая утверждает, что сама киберсреда, а не гендер оказывают определяющее влияние на наше общение [9; 13]. Эта теория считается базовой для “измерения” и оценивания “гендерного” пространства в Интернете. *Теория Киберспик* возникла именно в связи со сложностью описания феномена постоянно меняющийся среды, которую представляет собой Интернет. В сети нет ничего стабильного, постоянного. Здесь в силу смены и совершенствования технологий всё меняется стремительно: коммуникативные стратегии и тактики, сам киберязык, породивший ещё одну форму речи (письменно-устную), очертания киберпространства и “текстовые” презентации его участники. Видоизменяется здесь и гендер, и его теоретическое осмысление: от *описания различий* в гендерных коммуникативных стилях переходят к понятию *восприятия этих различий в зависимости от самого гендера*. В парадигмальных рамках *теории Киберспик* утверждается, что среда сильнее, нежели гендер влияет на наш виртуальный коммуникативный опыт (в т. ч. и гендерный). А акт смены гендера в этой теории рассматривается как губительный, разрушительный, т. к. он “кидает” вызов и подрывает существующие культурные представления о гендерных основах коммуникации. Авторы этой теории полагают, что смена гендера в сети способствует углублению понимания того, что различия в коммуникации более зависят от фактора власти, нежели гендера. И все данные, полученные в рамках других подходов, которые более со-

средотачиваются на различиях, рассматриваются с точки зрения восприятия этих различий или нашего ожидания того, что можно предвидеть от мужского или женского виртуального коммуникативного поведения. В уже упомянутой мною работе Н. Браун было получены данные, которые противоречат данным как С. Хэрринг, так и результатам многих других исследователей, что мужчины якобы в Интернете говорят больше [9: 77]. Нет, женщины общаются интенсивнее и с большим количеством собеседников, и особенно это видно по таким форматам коммуникации как *чаты* и *форумы*. Мужчины в сети выглядят более кибер-аутсайдерами, чем женщины. Считается, что данная теория обладает большей объяснительной силой, чем другие теории, помогая подойти к гендеру во всей его пестроты: нестабильности, множественности и разнообразии. И эта теория идет от эмпирических “коммуникативных” данных, от качественного анализа информации, на базе которого возникает теория, в отличие от количественных методов, которые призваны подтверждать или отвергать выдвинутые ранее них гипотезы. И здесь, по всей видимости, может проходить своеобразная граница между качественными и количественными методами анализа коммуникативных, речевых данных. Качественные методы позволяют “добывать” знание через его понимание, а не просто описание. И эти методы помогают женщинам лучше осмыслить свой коммуникативный опыт в сети, как считает Нэнси Браун и собственно вся феминистская методология, используемая в парадигме социальных наук.

Проведенный теоретический анализ позволил прийти к следующим в ы в о д а м: на настоящий момент существует пять альтернативных модели описания мужского и женского вербального поведения в сети: теория гендерных субкультур, теория сглаживания гендерных различий, перформативная теория, теория Киберспик, теория речевых сообществ. Несмотря на все их концептуальные различия, эти теории позволяют описать практически все существующие речевые “гендерные” практики и проинтерпретировать с позиций гендерной теории те или иные особенности Интернет-коммуникации.

Эти теории объединяет ряд общих позиций по “видению” гендера в сети. Во-первых, в их основе лежит понятие “деятельности”. Во-вторых, они все рассматривают *гендер* как определенный конструкт, социальный продукт, получаемый или воспроизводимый при определенных условиях. В-третьих, все они подчеркивают динамизм, изменчивость и нестабильность гендерного параметра, который зависит от целого ряда факторов. В-четвертых, они все подходят к осмыслению гендера через опосредованные средой и языком вербальные практики. Однако их интерпретационной силы не всегда достаточно, чтобы правильно проинтерпретировать крайне высокую противоречивость результатов исследований в этой предметной области. Воз

можно, в скором времени появится и универсальная теория, описывающая всё многообразие коммуникативных практик Интернета, которая сможет корректно объяснить коммуникативные явления, возникающие в виртуальной реальности – время покажет. Неоспорим и тот факт, что именно изучение электронной коммуникации позволяет посмотреть на гендер во всем его многообразии и динамизме, и смоделировать целый ряд вещей, что в реальном общении или достаточно сложно, или практически невозможно увидеть.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галичкина Е.Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках. Дис. ... канд. филол. наук. – Астрахань, 2001. – 208 с.
2. Горошко Е. И. Электронная коммуникация (постановка проблемы) // Вестник Воронежского Государственного Университета. Серия: Филология, Журналистика. – Воронеж, 2005. – Вып. 1. – с.82-91.
3. Горошко Е.И. Интернет-коммуникация в гендерном измерении // Вестник Пермского университета, 2006. – вып. 3(3). – С.219-229.
4. Иванов Л.Ю. Язык в электронных средствах коммуникации // Культура русской речи. – М.: Флинта-Наука, 2003. – С.791-793.
5. Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации. – М., 2004. – 251с.
6. Компанцева Л.Ф. Гендерные основы Интернет-коммуникации в постсоветском пространстве. – Луганск: Альма-матер, 2004. – 402 с.
7. Митина О.В., Войсунский А.Е. Интернет в гендерном измерении // Введение в гендерные исследования. – М.: Аспект-Пресс, 2005. – С.204-216.
8. Baker, J. 2002. The Use of Emotional Markers as Visual Cues in Online Emotional Discourse. – MA Thesis, San Jose State University. – 115 p.
9. Brown, N. J. 1998. Women gender switching on the Internet: a comparison of gendered communication style, PhD Thesis, Bowling Green State University. – 207 p.
10. Bruckman A.S. 1993. Gender Swapping on the Internet. Proceedings of INET 93, San Francisco, CA. Available at: <ftp://ftp.media.mit.edu/pub/asb/papers/>.
11. Butler, J. 1990. Gender Trouble: Feminism and Subversion of Identity. New York: Routledge. – 315 p.
12. Cameron, D. 1992. Feminism and Linguistic Theory (2nd, ed.). New York: Palgrave. – 245p.
13. Chattong, J. 2004. Gender Patterns in the Computer-Mediated Environment, MA Thesis, California state university, fullerton. – 134 p.
14. Colley, A., Todd, Z. 2002. Gender-Linked Differences in the Style and Content of E-mails to Friends // Journal of Language and Social Psychology. – Vol.21. – N4. – P.64-78.
15. Crowston, K., Kammerer, E. 1998. Communicative Style and Gender Differences in Computer-Mediated Communication // Cyberghetto or cybertopia: Race, Class and Gender on the Internet. London: Praeger. – P.213-224.
16. Danet, B. 1996. Text as mask: Gender and identity on the Internet. Paper presented at the conference, Masquerade and Gendered Identity, Venice, Italy. Available at: <http://atar.mscc.huji.ac.il/~msdanet/mask.html>.
17. Eckert, P., McConnell-Ginet, S. 2003. Communities of Practice: Where Language, Gender and Power All Live // Language and Society (Reader), UK (Firstly published in 1992). – 366 p.
18. Goroshko, O., Sokolinskaya H. Linguistic Aspects of Synchronous Chat Discourse // Stylistyka, XIII, P.315-328.
19. Goutsos, D. 2005. The Interaction of Generic Structure and Interpersonal Relations in Two-party e-chat Discourse // language@internet 3/2005. Available at <http://www.languageatinternet.de>.
20. Herring, S. 2000. Gender Differences in CMC: Findings and Implications // CPSR Newsletter. – Vol.18. – N1. – P.86-99.
21. Herring, S. 2001. Computer-mediated discourse // The Handbook of Discourse Analysis, Oxford: Blackwell Publishing. – P.67-97.
22. Herring, S. 2003. Gender and Power in On-line Communication // The Handbook of Language and Gender Research, London: Blackwell Publishing. – P.202-228.
23. Hills, M. 2000. You Are What You Type: Language and Gender Deception on the Internet. BA with Honors Thesis, New York, SUNY University. – 135 p.
24. Jaffe, M.J., Lee Y. E., Oshagan L. H. & H. 1999. Gender, Pseudonyms and CMC: Masking Identities and Barring Souls. Available at: <http://www.members.iworld.net/yessunny/genderps.html>.
25. Krolokke, Ch. 2005. "Impossible Speech"? Playful Chat and Feminist Linguistic Theory // Women and Language – Vol. 26. – N2. – P.45-56.
26. Koch, S. C., Mueller, B., Kruse, L., Zumbach, J. 2005. Constructing Gender in Chat Groups // Sex Roles. – Vol.53. – N1/2. – P.21-40.
27. Palomares, N.A. 2004. Gender Schematicity, Gender Identity Salience, and Gender-Linked Language Use // Human Communication Research. – Vol.30. – N4. – P.556-558.
28. Peddle, J. 2001. The Gendered Interaction of Chat: A Sociolinguistic Study of Internet Relay Chats, MA Thesis, Memorial University of Newfoundland (Canada). – 138 p.
29. Rodino, M. 1997. Breaking out of Binaries: Reconceptualizing Gender and its Relationship to Language in Computer-Mediated Communication // Journal of Computer-Mediated Communication. – Vol.3. – N3. – P.12-34.
30. Quadro, Del, J. A. 2000. Traditional vs. nontraditional gendered roles in Instant Relay Chat, MA Thesis, University of Nevada, Las Vegas, 2000. – 110 p.
31. Savicki, V., Kelley, M., & Oesterreich, E. 1998. Effects of Instructions on Computer-Mediated Communication in Single- or Mixed-gender Small Task Groups // Computers in Human Behavior. – Vol.14. – P.23-33.
32. Savicki, V., Kelley, M., & Oesterreich, E. 1999. Judgments of Gender in CMC // Computers in Human Behavior. – Vol.15. – P.185-194.
33. Soukup, Ch. 1999. The Gendered Interaction Patterns of Computer-Mediated Chatrooms: A Critical Ethnographic Study // The Information Society. – N15. – P.19-23.
34. Winegar, R. 2002. Genderized Language in Computer-Mediated Communication: A Content Analysis of Online Discourse, PhD Thesis, Union Institute and University. – 115 p.
35. Wolejszo, S. 2003. Gender trouble and the construction of gender identity on Internet chat sites MA Thesis, University of Manitoba (Canada). – 195 p.